

УДК. 725. 94 (477.75)

МЕЧЕТЬ «ЕШИЛЬ-ДЖАМИ» В БАХЧИСАРАЕ

Османов Э. Э.

*Таврический национальный университет В. И. Вернадского, Симферополь, Украина
E-mail: elvis_osmanov@mail.ru*

Мечети были самыми многочисленными культовыми сооружениями Бахчисарая. В эпоху существования Крымского ханства их было 32. Рассматривается история строительства одной из акцентных культовых построек Бахчисарая – мечети «Ешиль-Джами». Также анализируется участие Омера, придворного живописца при дворе крымских ханов Селямет-Герая и Крым-Герая, в росписи, а возможно и в строительстве мечети.

Ключевые слова: Бахчисарай, мечеть, культовая постройка, фресковая роспись, памятник архитектуры, ремонтные работы.

Бахчисарай вобрал в себя целый ряд исторических памятников, особый тип которых составляют культовые сооружения мусульман – мечети. П. С. Паллас называл их одним из украшений города. В 80-х гг. XVIII в. их насчитывалось тридцать восемь [1, с. 27].

Мечети Крыма, как и в других мусульманских странах, разделяются на два типа: купольные и базиличные. Минареты, купола мечетей определяли архитектурную форму этих сооружений, характер восточного города, его лицо. Мечети, которые сохранились и изображенные на фотографиях начала XX в. не имеют куполов. Они покрыты низкими скатными крышами треугольной формы (некоторые исследователи называют такие крыши шатровыми). В истории искусства ислама существует положение, что древнейшей формой является базилика с деревянным покрытием, и появление сводчатых мечетей относят лишь к XIV в [2, с. 112].

Особое положение в истории мусульманских культовых сооружений Бахчисарая занимает мечеть Ешиль-Джами, которая не сохранилась до наших дней. Интерес к ней возник еще в XIX в. Путешественник Н. Берг в своих походных записках, опубликованных в 1855–1856 гг., описал внешние росписи мечети и предложил свою версию, объясняющую отсутствие верхушки минарета. Внутреннее убранство охарактеризовано А. Н. Поповым в статье, являющейся отчетом о Третьей учебной экскурсии Симферопольской мужской гимназии в окрестностях Бахчисарая. Ценные сведения о мечети приводит член Таврической Ученой Архивной Комиссии, в дальнейшем ее председатель, А. И. Маркевич, который описал состояние мечети Ешиль-Джами. Один из первых исследователей крымскотатарского искусства М. Я. Гинзбург сконцентрировал внимание на творчестве иранского мастера Омера, придворного живописца в дворцовом комплексе Бахчисарая при крымских ханах Селямет-Герая и Крым-Герая, а также его участия в росписи, а возможно и в строительстве мечети Ешиль-Джами. Специалист-востоковед архитектор-реставратор Б. Н. Засыпкин изучал памятники архитектуры крымских татар: мечети, бани, фонтаны. В Бахчисарае

его внимание привлекло здание Ешиль-Джами, которую он относил к османскому периоду. У. А. Боданинский первый директор Бахчисарайского Дворца-Музея кратко остановился на истории строительства мечети, подробно описал ее внешний вид, современное состояние и считал возможным ее восстановление.

История строительства этой мечети связана с легендой о несчастной любви крымского хана Крым Герая к Диляре Бикеч. К сожалению, не сохранилось никаких сведений о ней самой. Разве, что титул «бикеч» указывал на ее высокое положение в иерархии ханского двора: бикечами в Крыму назывались высокопоставленные придворные распорядительницы.

Бахчисарайцы ханских времен, конечно же, хорошо знали столь заметную в городе фигуру, однако уже к XIX в. всякая память о реальной личности Диляры Бикеч полностью исчезла, уступив место легендам. Местные жители, а вслед за ними и приезжие литераторы перенесли в бахчисарайские декорации распространенное во многих странах повествование о влюбленном правителе и его безвременно почившей возлюбленной, роль которой была отдана Диляре. Так возникла местная легенда о «Фонтане слез», построенном Крым-Гераем якобы в знак безутешной скорби по любимой наложнице, отравленной ревнивыми соперницами. Многочисленные легенды «узнавали» в Диляре Бикеч то польку Марию Потоцкую, то грузинку, то черкешенку.

Как отмечалось выше, авторство мечети приписывается иранскому мастеру Омеру. Основанием для этого служит упоминание в надписи на ее главном фасаде о том, что «Работал Омер». С его именем связаны высшие достижения татарского монументально-декоративного искусства XVIII в. Перед исследователями сразу встал вопрос был ли Омер архитектором или только декоратором мечети. Вот что думал об этом М. Я. Гинзбург: «... Во всей наружной фресковой росписи мечети чувствуется заметная неспаянность с архитектурой здания, его расчленениями. Фрески вписываются несвободно, а скорее как-то втискиваются в интервалы между пилястрами. Трудно представить себе, чтобы один человек был автором этого памятника в целом, где как бы чувствуются в отдельности зодчий и живописец» [3, с. 218].

Если он и не строил Ешиль-Джами, то, вне всякого сомнения, был живописцем, умевшим находить синтез с архитектурой. Он владел совокупностью техник и декоративных приемов, позволявших ему искусно сочетать в отделке интерьеров и экстерьеров культовых и светских сооружений фресковую роспись, витражи, резьбу по дереву, пластику из алебаstra. Отделка мечети Ешиль-Джами была не самой ранней из его работ.

Видимо, Омер начинал свою творческую деятельность в Ханском Дворце при Селямет-Герая хане и одной из его первых работ можно считать роспись беседки, связанной с именем этого хана, к сожалению не сохранившейся до наших дней. Ее основной мотив представляла ваза, из которой как бы произрастал букет цветов и трав, заполняя тем самым плафон. Дата росписи – 1753 г.

В 1763 г. Омер расписывает Биюк Хан Джами (Большую ханскую мечеть), создавая блестящий ансамбль, включавший в себя и наружные фресковые росписи, и интерьеры: витражи, изразцы, лепнину, производившие сильное впечатление на молящихся.

К началу XX в., как отмечает М. Я. Гинзбург, «сохранились лишь изразцы ханской ложи и прекрасные цветные стекла с переборками из алебаstra, в которых без

труда можно узнать вкусы Омера. Самый абрис витража по своим пропорциям и венчающей по-татарски изогнутой кривой линии повторяет встречающийся на наружных стенах Ешиль-Джами декоративный мотив» [3, с. 220]

Разнообразные растительные мотивы, элементы пейзажей и натюрмортов в росписях Омера богато и сложно переплетены с каллиграфическими надписями, что, по мнению М. Я. Гинзбурга позволяет отнести Омера к «хаттатам» – художникам-каллиграфам. Неудивительно, что Крым-Герай хан, бывший одним из самых просвещенных правителей Крымского ханства, высоко ценил заслуги Омера, держал его при своем дворе и поручал ему работы особой значимости.

К числу таких работ, несомненно, относится и отделка Золотого кабинета, который после пожара 1736 г. был восстановлен с новым великолепием. При отделке этого помещения Омер достиг исключительной изысканности в вариациях голубовато-серебристого колорита. Он повторил прием сочетания росписей с рельефом из алебаstra по верхнему периметру стен, изображающим плоды и цветы. В отделке интерьеров художник также применил витражи, в основном повторяя тот рисунок и расцветку стекол, которые он создал в Ханской мечети [4, с. 157].

Приход мечети «Ешиль-Джами» находился напротив квартала Шах-Болат, по правую сторону от центральной улицы, которая в XIX – начале XX в. называлась Базарной. По одним сведениям это культовое сооружение построила сама Диляра Бикеч, так как среди знатных жительниц Дворца существовал обычай жертвовать средства на возведение культовых строений. На это указывала и сохранившаяся на одной из стен надпись: «Диляра, Божья милость на нее, год 1178» (1764). Существует легенда о том, что перед смертью она просила ее похоронить в таком месте Бахчисарая, откуда была бы видна Ешиль-Джами. Действительно, на противоположном склоне долины, хорошо виден мавзолей-дюрбе Диляры Бикеч. К области легенд относится и представление о Диляре как о «прекрасной юной особе». То подчеркнуто религиозное благоговение, с которым была похоронена Диляра, ведь мавзолей – это культовое здание, свидетельствует скорее о том, что подобным почетом был отмечен переход в мир иной пожилой женщины, прославившейся своим благочестием.

По другим сведениям Крым-Герай в память о своей возлюбленной повелел придворному мастеру Омору возвести знаменитый «Фонтан Слез» – «Сельсебиль» и мечеть «Диляра Бикеч», переименованную прихожанами позднее в «Ешиль-Джами» – «Зеленая мечеть». По некоторым сходствам приемов обработки и живописи с мечетью Ешиль-Джами, надо думать, что мавзолей Диляры-Бикеч также был расписан Омером [3, с. 218].

В плане мечеть представляла правильный четырехугольник. К северо-восточному углу был пристроен небольшой минарет. Здание было перекрыто четырехскатной крышей с поливной зеленого цвета черепицей, от которой оно и получило свое название. Здание было выложено из бутового камня, имело каменные карнизы и пилястры. Мечеть была расписана как снаружи, так и внутри. Она освещалась окнами в два ряда. Со стороны главного фасада, имелся вход прямо во двор мечети, к которому вела каменная лестница. Ешиль-Джами, согласно мнению Б. Н. Засыпкина, была образчиком османского искусства на крымском полуострове.

Внутри мечети обращал на себя внимание красивый михраб со сталактитовой обработкой, и подписи симметрично расположенные вдоль карниза стены и «представляющие благочестивые изречения из Корана». На надписи в левом углу от михраба было начертано «Диляра. Рахимат Аллаху алейкума» [2, с. 115].

Средняя часть помещения, в виде четырехугольного каре, отделялась от остальной части деревянной колоннадой, поддерживающей ряд красивых вычурных восточных арок; с северной стороны, на уровне верхних окон, к колоннаде примыкают мафиль (хоры). Судя по тому, что хоры как-то нескладно были втиснуты в аркаду в ущерб архитектурной логике, можно предположить, что по первоначальной идее автора их не было, и что это позднейшее искажение принадлежит времени, когда в мечети был монастырь дервишей.

На всем живописном декоративном убранстве была видна рука чуткого художника; тут слились между собой фрески, декоративная скульптура и каллиграфия. Автор фресок Ешиль-Джами Омер был первоклассным мастером: все детали фресок, например, розы и цветы на арках, отлично нарисованы и написаны в приятных розовато-палевых тонах; на арках, стенах стихи из Корана написаны графически безукоризненно черной краской по белому полю. Стены были оштукатурены и окрашены в приятный зеленый цвет, только местами прерываемый живописными филленками и надписями.

В интерьерах Ешиль-Джами изумительное изящество декоративных росписей, в которых традиционные татарские цветочные мотивы переосмыслены и интерпретированы в духе западного рококо, органично сочетается со всеми элементами декора, включая тончайшей резьбы колонны, арки, маленькие декоративные купола.

Значительный художественный интерес представляли окна мечети; они были выложены по определенному рисунку мозаикой из кусочков разноцветного стекла, спаянных между собой алебастровыми рамками. Такой тип окон сохранился в некоторых покоях бахчисарайского дворца и еще в некоторых мечетях. Посередине мечети, из небольшого расписного купола в центре потолка спускалась люстра венецианского стекла тонкой работы; пол был выложен мраморными плитами и покрыт дорогими персидскими коврами. Деревянная резная кафедра, подставки лоя Корана, подсвечники и прочее были, по всей вероятности, высокого художественного достоинства. Увы, ничего от прежнего великолепия не сохранилось [5, с. 253]. Ешиль-Джами являлась лебединой песней татарского искусства, так как присоединение Крыма к Российской империи прекратило самостоятельность нации, и искусство, не поддерживаемое государством, «ушло в народ», проявляясь в предметах домашнего обихода и первой необходимости [2, с. 118].

Н. В. Берг путешествуя по Крыму в 50-е гг. XIX, отметил в своих походных заметках: «Хан повелел построить мечеть Ешиль-Джами в полуверсте от дворца. Эта мечеть похожа на дом и довольно велика. Она расписана извне разными цветами, наподобие каемок турецкой шали, а на фасаде изображено двое часов с гириями и маятником. Во время бури 2 ноября 1854, вершина минарета обвалилась и находится подле мечети» [6, с. 26].

«Ныне, – писал в начале XX в. М. Я. Гинзбург, – мечеть не только заброшена, но и находится накануне полного разрушения. Северной стены не существует вовсе; крыши почти нет; наполовину отсутствуют и балки, и стропила, и черепица...» [3, с. 221].

Арсений Иванович Маркевич в 1915 г. осматривал мечеть Ешиль-Джами, представляющую значительный художественный и исторический интерес, отметил, что «... верхняя часть минарета обрушилась, окна без коробок и рам, крыша почти совсем обвалилась...» [7, с. 254]. По его сведениям причина заброшенности мечети состояла в том, что в конце XVIII столетия, в ней или вблизи нее был убит мулла, поэтому она и считалась оскверненной и не могла более исполнять своего назначения. Так или иначе, Ешиль-Джами, вскоре была упразднена и в конце XIX столетия здесь была построена татарская школа – мектеб.

16 июля 1915 г. Таврическое губернское правление уведомило Таврическую ученую архивную комиссию (ТУАК) о том, что особая Комиссия о вакуфах не имеет никаких средств не только к поддержанию в порядке мечети Ешиль-Джами, но и к надзору за ее целостностью. Губернское Правление интересовалось не нашла бы ТУАК удобным взять на себя заботы о сохранении и поддержании здания мечети Ешиль-Джами. В ответ на это ТУАК в своем заседании от 27 августа 1915 г. уведомило Таврического губернатора, что Комиссия не имеет возможности принять на себя заботу о Ешиль-Джами и посоветовала обратиться с ходатайством в Бахчисарайскую Городскую Управу «о принятии мер к сохранению от гибели этого интересного памятника татарской старины в Крыму» [8, с. 206].

Октябрьская революция 1917 г. застала дело охраны памятников старины в Крыму в разрозненном, неорганизованном состоянии. Общий надзор над охраной памятников добровольно несла ТУАК, не имевшая для своей цели ни достаточных средств, ни юридической силы т.к. не было еще соответствующих законодательных норм. Как указывал директор музея У. Боданинский в своей докладной записке о положении дворца-музея в г. Бахчисарае – «ценнейшие археологические памятники расхищались и разрушались...» [9, с. 113].

После восстановления Советской власти в Крыму 13 ноября 1920 г. при Крымнаробразе в составе подотдела искусств, был организован специальный орган – Крымский Областной Комитет по делам музеев и охране памятников искусства, старины и природы – КрымОХРИС, который объединил в себе дело археологической охраны в Крыму.

В ноябре 1923 года архитектор КрымОХРИСа, профессор П. И. Голландский, ввиду предстоящих ремонтных работ осмотрел памятники, подлежащие ведению Крым ОХРИСа. В своем отчете для музейного отдела Главнауки 6 октября ученый отмечал, что причиной осмотра было стремление к более рациональному использованию выделенной Главнаукой суммы (135 000 рублей). Выводы П. И. Голландского сводились к тому, что ассигнованная сумма, переведенная в новый номинал согласно денежной реформе 1923 г. (450 руб. золотом), мала и что только на текущий ремонт памятников было необходимо не менее 3000 руб. золотом. Мечеть Ешиль-Джами им также была осмотрена. Ее состояние признано было им угрожающим, произведение ремонта – опасным для рабочих, а стоимость ремонта – являлась практически равной постройке нового здания. Голландский предложил сделать все

возможные замеры, сохранить части декора мечети Ешиль-Джами и «предоставить времени его разрушительную работу довести до конца» [10, с. 13].

Директор Дворца-Музея У. Боданинский не согласился с этим заключением и в своем обращении в Музейный отдел Главнауки от 1 ноября 1923 года просил учесть его «особенное мнение по той части докладной записки архитектора КрымОХРИСа П. И. Голландского, которая касалась ремонта Ешиль-Джами – Зеленой мечети в Бахчисарае». У. А. Боданинский кратко остановился на истории строительства мечети, подробно описал ее внешний вид и современное состояние. Директор дворца-музея считал возможным ее восстановление. Для этого, необходимо было отремонтировать крышу, переложить черепицу на ней, устранить разрушительное действие осадочных вод, временно восстановить рухнувшую стену по так называемому крымскому методу (построить деревянный каркас, стены заложить саманным кирпичом-сырцом, покрыть штукатуркой). У. А. Боданинский отмечал также, что восстановление памятника, кроме научного характера, «будет иметь в глазах татарского населения большое политическое значение». Признавал необходимость обмеров и фотографирование памятника до, и после реставрации и просил Музейный отдел, в соответствии с изложенными обстоятельствами, увеличить испрашиваемую сумму в два раза – до 200 рублей золотом.

Ответом Музейного отдела Главнауки на доклады П. И. Голландского и У. А. Боданинского стало письмо заведующего этим учреждением в КрымОХРИС от 22 ноября 1923 года. В нем указывалось, что «по существующим условиям трудно рассчитывать на получение достаточного кредитования для выполнения капитального ремонта и, по-видимому, придется ограничиться лишь мелкими починками». Касательно предложений У. А. Боданинского о первоочередных мерах по ремонту Зеленой мечети Музейный отдел принимал их во внимание и предлагал для их осуществления выделить деньги из уже направленных на реконструкцию Бахчисарайского дворца средств [10, с. 13]. (Рис. 1).

Во время Великой Отечественной войны дворец могли полностью разорить, однако перед самым приходом оккупантов ценные экспонаты удалось припрятать в пещерах Чуфут-Кале. Мечеть Ешиль-Джами, приведенная в порядок КрымОХРИСом, в период оккупации была почти разрушена. Сохранился лишь юго-западный угол, оставшаяся же часть минарета обвалилась.

Советская администрация, пришедшая на смену германской, в первый же месяц провела поголовную депортацию крымских татар. Раздавались «предложения» вслед за этим разрушить и основной исторический памятник выселенного народа.

Дворец был спасен от уничтожения усилиями ученицы Боданинского Марии Кустовой, настоявшей на необходимости сохранения Дворца хотя бы из тех мотивов, что благодаря Пушкину он прославился на весь мир.

Памятник остался нетронутым и вскоре музей продолжил работу. Одной из первоочередных задач, которые стояли перед сотрудниками музея после ухода нацистов, был – осмотр и фиксация памятников города и окрестностей с целью выявления разрушений. Что и было произведено в июне 1944 г. членами экспедиции отдела по охране памятников Управления по делам архитектуры при СНК РСФСР [11, л. 4]. Что касается мечети Ешиль-Джами, то согласно информации к.и.н., заведующего кафедрой истории

древнего мира и средних веков исторического факультета ТНУ имени В. И. Вернадского А. Г. Герцена, которую он получил от старожилы города, в 1946–1947 гг. она была демонтирована по приказу городских властей Бахчисарая.

На современном этапе территория мечети Ешиль-Джами застроена. Здесь сейчас располагается кафе-ресторан «Мусафир»

Список использованных источников и литературы

1. Паллас П. С. Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 гг. – М., 1999. – 290 с.
Pallas P. S. Nablyudeniya, sdelannye vo vremya puteshhestviya po yuzhnyim namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 gg. – М., 1999. – 290 s.
2. Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. – 1927. – № 2(4). – С. 111–168.
Zasyrkin B.N. Pamyatniki arkhitektury krymskikh tatar // Krym. – 1927. – № 2(4). – S. 111–168
3. Гинзбург М. Омер – придворный живописец и декоратор крымских ханов Селямет и Крым-Гиреев // Забвению не подлежит. – Казань, 1992. – С. 217–222.
Ginzburg M. Omer – pridvornyy zhivopisets i dekorator krymskikh khanov Selyamet i Krym-Gireev // Zabveniyyu ne podlezhit. – Kazan, 1992. – S. 217–222.
4. Червонная С. М. Искусство татарского Крыма. – М., 1995. – 336 с.
Chervonnaya S. M. Iskustvo tatarskogo Kryma. – М., 1995. – 336 s.
5. Кашпар А. О. Характерные отличия восточной архитектуры // Третья учебная экспедиция Симферопольской мужской гимназии: Симферополь и его окрестности / сост. А. Н. Попов. – Симферополь, 1889. – С. 22–26.
Kashpar A. O. Harakternyye otlichija vostochnoy arkhitektury // Tretya uchebnaya ekspeditsiya Simferopolskoy muzhskoy gimnazii: Simferopol i ego okrestnosti / sost. A. N. Popov. – Simferopol, 1889. – S. 22–26.
6. Берг Н. В. Бахчисарай (отрывок из походных заметок). – СПб., 1856. – 167 с.
Berg N. V. Bakhchisaray (otryvok iz pokhodnykh zametok). – SPb., 1856. – 167 s.
7. Маркевич А. И. Мечети Ешиль-Джами и Тахталы-Джами в Бахчисарае // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – 1915. – № 52. – С. 253–255.
Markevich A. I. Mecheti Yeshil-Dzhami i Takhtaly-Dzhami v Bakhchisarae // Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arhivnoy komissii. – 1915. – № 52. – S. 253–255.
8. Протоколы заседаний Таврической ученой архивной комиссии от 27 августа 1915 г. // Известия Таврической ученой архивной комиссии. – 1916. – № 53. – С. 206–208.
Protokoly zasedaniy Tavricheskoy uchenoy arhivnoy komissii ot 27 avgusta 1915 g. // Izvestiya Tavricheskoy uchenoy arhivnoy komissii. – 1916. – № 53. – S. 206–208.
9. Османова Г. Деятельность Бахчисарайского дворца-музея по охране памятников в 1920–30 гг. // Сборник докладов научно-практической конференции посвященной 90-летию со дня основания Бахчисарайского музея. – Симферополь, 2007. – С. 113–120.
Osmanova G. Deyatelnost Bakhchisarayskogo dvortsa-muzeya po okhrane pamyatnikov v 1920–30 gg. // Sbornik dokladov nauchno-prakticheskoy konferentsii posvyashchennoy 90-letiyu so dnya osnovaniya Bakhchisarayskogo muzeya. – Simferopol, 2007. – S. 113–120.
10. Хливнюк А. В. Неизвестные страницы памятникоохранительной работы в Крыму в 20–30 гг. XX в. // Историческое наследие Крыма. – 2007. – № 17. – С. 12–19.
Khlivnyuk A. V. Neizvestnyye stranitsy pamyatnikookhranitelnoy raboty v Krymu v 20-30 gg. XX v. // Istoricheskoe nasledie Kryma. – 2007. – № 17. – S. 12–19.
11. Государственный архив в Автономной Республике Крым, ф. Р-4281. Бахчисарайский историко-археологический музей, оп. 1, д. 8. Акты проверок состояния построек Дворца-Музея и памятников культуры в 1945–1946 гг., 162 л.
Gosudarstvennyy arkhiv Avtonomnoy Respubliki Krym, f. R-4281. Bakhchisarayskiy istoriko-arkheologicheskiy muzey, op. 1, d. 8. Akty proverok sostoyaniya postroek Dvortsa-Muzeya i pamyatnikov kultury v 1945–1946 gg., 162 ark.

Османов С. С. Мечеть Ешиль-Джамі в Бахчисараї / С. С. Османов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2013. – Т. 26 (65), № 1. – С. 76–84.

Мечеті були найчисельнішими культовими спорудами Бахчисарая. В епоху існування Кримського ханства їх було 32. У статті розглядається історія будівництва однієї з акцентних культових будівель Бахчисарая – мечеті Ешиль-Джамі. Також аналізується участь Омера, придворного живописця при дворі кримських ханів Селямет-Герая і Крим-Герая, в розпису, а можливо і в будівництві мечеті.

Ключові слова: Бахчисарай, мечеть, культова споруда, фресковий розпис, пам'ятка архітектури, ремонтні роботи.

Osmanov E. E. Mosque Yesil-Jami located in the Bakhchisaray / E. E. Osmanov Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2013. – Vol. 26 (65), No 1. – P. 76–84.

Mosques were the most numerous religious buildings Bakhchisaray. There were 32 in the era of the Crimean Khanate. The article examines the history of the construction Yesil Jami Mosque one of the iconic buildings of Bakhchisaray. Mosques incorporated number of historical monuments of Bakhchisaray as special type of Muslim architecture. Most mosques built of hewn stone; almost every mosque has a minaret or a circular tower of considerable height, topped with a crescent. Yesil Jami Mosque has not survived to the present day, but it continues to occupy a special position in the history of the Muslim architectural monuments of Bakhchisaray. History of the building of this mosque associated with the legend of unrequited love Crimean khan Crim-Giray to Georgian captive Dillyare Bikech early died far from home in captivity. Not survive any information about her unfortunately. Is that the title of «Bikech» pointing to its highest position in the hierarchy of the Khan's court: Bikech in the Crimea were called high court hostess. Legend has it that before she died, she asked her to be buried in a place of Bakhchisarai, would have been visible from the Yesil Cami. Mausoleum dyurbe Dilara Bikech clearly visible on the opposite slope of the valley. Master Omer, a talented poet and calligrapher, the authorship of this unique monument attributed Bakhchisaray. He worked in the reign of the Crimean khans Salaamed and Crim-Geray as the court painter and decorator. For some similarities methods of processing and painting the mosque Yesil Cami, we suppose, that the mausoleum Dilara Bikech also been painted Omer. The mosque was offset by a hipped roof with green tiles, from which it got its name. The building was built of stone and was painted both outside and inside. She covered the windows in two rows. There is a theory that, the mullah was killed near it, at the end of XVIII century and therefore it was considered unholy and could no longer fulfill its purpose. Anyway, the Yesil Cami, was soon abolished and at the end of the nineteenth century there has been arranged Tatar School – maktab. In 1917 year of October was founded The Museum of Turkey-Tatar culture in the Khan Palace. The main interest gave for historical objects arranged on territory of city Bakhchisaray – durbes, mosques. In November 1923, an architect, professor, P. I. Gollandsky inspected architectural monuments for more efficient use of allocated Glavnauka amount (135,000 rubles). Yesil Mosque Jami it was also examined. Her condition was considered threatened; repair work - dangerous for the workers, and the cost of repair - was nearly equal to the construction of the new building. Dutch offered to make all possible measurements, keep the decor of the mosque Yesil Cami and «give the time of his destructive work to finish». The director of the Palace Museum U. Bodaninsky outlined the history of the construction of the mosque, a detailed description of its appearance and the current state in his address to the Museum Department Glavnauki. The director of the Palace Museum insisted on carrying out repair work to restore it. The Soviet administration held the deportation of the Crimean Tatars. Rang out «offers» followed by ruin the main historical monument of the deported people. The palace was saved from destruction by the efforts of a student Bodaninsky Mary Sectional, insisted on the need to maintain at least the Palace of the motives that because of Pushkin, he became known to the whole world. The monument was left intact and the museum continued to work soon. One of the first tasks that confronted the museum staff was - viewing and recording of monuments of the city and the surrounding area in order to detect damage after the departure of the Nazis. Yesil Jami Mosque was almost destroyed during World War. Yesil Jami Mosque built up at the present stage area. Cafe-restaurant «Musafir» is here now.

Key words: Bakhchisaray, mosque, the iconic building, mural painting, architectural monument, repairs.

Поступила в редакцію 01.11.2013 г.

Рецензенты:

д.и.н., проф. А. И. Айбабин

д.и.н., проф. В. Ю. Ганкевич